

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Павлова Н.С., Мелешкина А.И.

Противодействие коррупции и защита конкуренции

Москва 2017

Аннотация. Работа основана на методологии комплексного экономического анализа проблем формирования эффективной государственной политики, на разработках в области теории коррупции и теории организации рынков, экономического анализа права. В работе проводится анализ круга вопросов, связанных с взаимным влиянием политики защиты конкуренции и политики противодействия коррупции. Учитывая, что антимонопольное и антикоррупционное правоприменение могут в определенных границах дополнять или замещать друг друга, важную роль играет тесное сотрудничество антимонопольных и антикоррупционных органов, как в части обмена информацией о выявленных признаках нарушения, так и в части совместных расследований и выбора наиболее эффективных инструментов борьбы с нарушениями.

Ключевые слова: коррупция, конкуренция, дискриминация, защита конкуренции, антимонопольное законодательство

Павлова Н.С. старший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Мелешкина А.И. научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация	2
ВВЕДЕНИЕ	4
1. Взаимодополняемость/ конфликт политики противодействия коррупции и антимонопольной политики	5
1.1. Сферы соприкосновения антикоррупционной и антимонопольной политик.....	5
1.2. Границы взаимодополняемости антикоррупционной и антимонопольной политик.....	15
1.3. Факторы взаимосвязи коррупции и конкуренции: накопленные теоретические и эмпирические свидетельства.....	18
2. Механизмы влияния коррупции и политики противодействия коррупции на конкуренцию на товарных рынках.....	23
2.1. Влияние коррупции на конкуренцию на товарных рынках	23
2.2. Влияние политики противодействия коррупции на конкуренцию	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	37
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	39

ВВЕДЕНИЕ

Разработка эффективной системы мер противодействия коррупции является важным шагом на пути улучшения делового климата, повышения привлекательности инвестиций в экономику, развития бизнеса, роста эффективности использования ресурсов – всего, что связано с устойчивым экономическим ростом. Политика противодействия коррупции тесно переплетена с политикой защиты и развития конкуренции, поскольку распространенность коррупционных схем, с одной стороны, выступает сдерживающим фактором при принятии компаниями решения о входе на рынок, а с другой, – оказывают влияние на характер стратегического взаимодействия компаний и применяемые ими способы приобретения преимуществ по сравнению с конкурентами. Вот почему, противодействие коррупции является одним из направлений работы ФАС России.

Тот факт, что согласно экспертным оценкам Россия характеризуется высоким (по сравнению с большинством стран мира) уровнем коррупции, обуславливает необходимость совершенствования системы мер, направленных на противодействие коррупции, что и определяет актуальность исследования этого вопроса.

1. Взаимодополняемость/ конфликт политики противодействия коррупции и антимонопольной политики

1.1. Сферы соприкосновения антикоррупционной и антимонопольной политик

В 2014 году ОЭСР посвятила Глобальный форум по конкуренции проблеме борьбы с коррупцией и поддержки конкуренции [1]. В рамках форума прошло обсуждение четырех основных вопросов:

- взаимоотношений коррупции и конкуренции и способности антимонопольного регулирования внести вклад в борьбу с коррупцией;
- роль антимонопольных органов в борьбе с коррупцией;
- взаимосвязь программ ослабления наказания за участие в картелях и борьбы с коррупцией: могут ли программы ослабления наказания препятствовать борьбе с коррумпированными должностными лицами;
- сотрудничество антимонопольных органов и органов по борьбе с коррупцией, распределение дел между ними и борьба с коррупцией внутри антимонопольных органов.

Для целей выявления точек соприкосновения антикоррупционной и конкурентной политики, а также с учетом российской специфики представляется целесообразным сосредоточиться на несколько другом, хотя и чрезвычайно близком и частично пересекающемся, наборе вопросов:

- антикоррупционная политика и развитие конкуренции в сфере госзаказа;
- антикоррупционная политика и создание дискриминационных условий;
- программы ослабления наказания и антикоррупционная политика;
- антикоррупционные требования и содержание антимонопольных норм.

1) Антикоррупционная политика и развитие конкуренции в сфере госзаказа

С одной стороны, антикоррупционная политика требует более высокой прозрачности процедур закупок. Вместе с тем, такая прозрачность может стать фактором, облегчающим сговор - в том числе благодаря снижению издержек мониторинга фирмами поведения друг друга. Данный фактор снижает издержки отслеживания поддержания сговора для его участников, и отклонение от картельной стратегии обнаруживается быстрее, что

облегчает и применение санкций к «нарушителю». В то же время, повышение уровня прозрачности облегчает и мониторинг соблюдения и антикоррупционного, и конкурентного законодательства со стороны органов власти, призванных контролировать его соблюдение.

В свою очередь, меры, нацеленные на усложнение закупочных процедур таким образом, чтобы сделать коррупцию менее легкоосуществимой, могут создать такие дополнительные барьеры входа на рынок, что это также будет способствовать созданию и поддержанию устойчивого сговора. Таким образом, помимо взаимодополняемости, в отдельных плоскостях возникает основания для поиска сбалансированных действий, направленных на достижение целей антикоррупционной и конкурентной политик.

Задача установления таких требований к прозрачности процедур закупки, которые бы минимизировали риски коррупции, при этом по возможности не создавая дополнительных рисков ограничения конкуренции, не имеет общего решения, которое работало бы для всех ситуаций. Однако можно выделить несколько принципов, которыми целесообразно руководствоваться, проводя такую границу [2]:

- опубликованию должна подлежать только информация по выигравшей заявке, а не по всем поданным заявкам – они должны быть доступна только организатору и проверяющим органам, а не конкурентам;

- поскольку анонимные заявки могут обладать дестабилизирующим действием на сговор, организатор торгов может принять решение о нераскрытии информации об участниках – например, обозначая их номерами и публикуя информацию только об их количестве;

- организатор торгов может разрешить представлять заявки по телефону или почте, вместо того чтобы требовать их представления через личное присутствие всех участников в установленном месте в установленное время, когда они смогут наблюдать поведение друг друга;

- организатор может разрешить каждому потенциальному участнику подать более одной заявки с разными условиями;

- момент опубликования коммерчески значимой информации (например, сведения о том, кому принадлежали проигравшие заявки и каковы были предложенные в них условия) может быть отложен, чтобы эта информация имела меньше значения в рамках механизма мониторинга поддержания сговора.

2) Антикоррупционная политика и создание неравных условий

На первый взгляд, дискреционное применение регуляторных норм, которое может быть вызвано коррупционными мотивами чиновниками, не говоря о мерах государственной поддержки, направленных на «избранные» фирмы, - и есть источник многих ситуаций, в которых на рынках создаются неравные условия конкуренции. Соответственно, борьба с коррупцией позволяет сделать условия конкуренции более справедливыми.

Данная взаимосвязь имеет место, однако может наблюдаться и противоположная ситуация: политика борьбы с коррупцией может привести к созданию (или, во всяком случае, быть интерпретированной как источник) дискриминационных условий на рынке.

Актуальность данного вопроса обуславливается опытом антимонопольного регулирования в России. Суть проблемы ярко демонстрирует кейс фармацевтических компаний. Так, в 2010 г. ФАС России рассматривало дело в отношении ООО «Ново Нордиск», являющегося дочерним обществом фармацевтической компании, базирующейся в Дании. В рамках расследования ФАС России была предпринята попытка установить, не являются ли принятые в компании антикоррупционные процедуры (в части требований к контрагентам) способом злоупотребления доминирующим положением, нацеленным на ограничение конкуренции среди дистрибьюторов. По итогам рассмотрения дела комиссия пришла к выводу, что внутренняя проверка фактически дублировала процедуру, которую уже должен был провести государственный орган, выдавший дистрибьютору лицензию на оптовую торговлю лекарственными препаратами. В дальнейшем российский антимонопольный орган обобщил позицию по ряду подобных дел и заключил, что принятые антикоррупционные практики приводят к выдвижению необоснованных требований к дистрибьюторам и их репутации, а отбор контрагентов, принятие решений об отказе заключения или продления договора с ними в результате носит субъективный характер, что приводит к ограничению конкуренции.

Вместе с тем, зарубежное антикоррупционное законодательство (в частности, Foreign Corrupt Practices Act в США и UK Bribery Act в Великобритании) так или иначе требует применения процедур дополнительной проверки контрагентов, а сотрудничество с компаниями, заподозренными или замеченными в коррупции, может обернуться существенными санкциями для иностранных компаний в той стране, где они базируются.

Таким образом, если антимонопольный орган:

- не рассматривает коррупционные риски в качестве достаточной причины для дифференциации условий взаимодействия с контрагентом;

- рассматривает коррупционные риски в качестве такого условия, но по итогам такого рассмотрения заключает, что условия антикоррупционных процедур излишни в том смысле, что в результате их применения наносится больший ущерб конкуренции, чем приносится пользы,

то такого рода действия, направленные на снижение коррупционных рисков, могут быть признаны противоречащими антимонопольному законодательству.

В данной ситуации есть три фактора, усложняющих анализ для антимонопольного органа и способных привести к искажениям:

- а) тот факт, что антикоррупционное законодательство, чьи положения (или в продолжение которого компаниями приняты соответствующие процедуры), является зарубежным. Вопрос стоит не столько в том, насколько качественно сотрудники национального антимонопольного органа способны провести, фактически, оценку воздействия на конкуренцию некоторых положений такого акта, не являясь специалистами по истории и практике применения данного закона. Недавний кейс о соглашении угольных заводов в Нидерландах [3] показывает, что наиболее актуальным является вопрос о том, насколько вообще можно рассчитывать на то, что те общественные выгоды, которые имеют место в результате применения антикоррупционного законодательства, смогут найти адекватное отражение при применении «правила взвешенного подхода» в антитрасте.

Как наглядно показал кейс с угольными заводами, юридическое воплощение правила взвешенного подхода, существующее, в частности, в европейском законодательстве и судебной практике (но в целом достаточно распространенное и среди других юрисдикций, постольку поскольку антимонопольное законодательство зачастую внедрялось путем импорта институтов), ограничивает возможность регулятора учитывать эффекты (как отрицательные, так и положительные) для групп потребителей и производителей, находящихся за пределами его юрисдикции. Таким образом, если выгоды от антикоррупционных мер получают потребители или производители за рубежом, а издержки от ограничения конкуренции ложатся на местную экономику, то антимонопольный орган будет склонен запретить соответствующую практику, даже если

при более «строгом» анализе с учетом всех релевантных групп должно было бы быть принято решение о разрешении данной практики.

б) сложности с оценкой эффекта от антикоррупционных мер. Основным требованием к положительным эффектам для того, чтобы антимонопольный орган смог их учесть в рамках применения «правила взвешенного подхода» и сопоставить с ущербом от ограничения конкуренции, как правило, является «осязаемость» данных эффектов [4], что на практике зачастую предполагает и возможность их количественной оценки. Когда мы говорим об эффектах антикоррупционных мер, мы, как правило, говорим о не реализовавшихся рисках, а не о свершившихся фактах, в связи с чем здесь могут возникнуть определенные сложности с адекватной оценкой. Впрочем, антимонопольный орган также оценивает и вероятный ущерб от ограничения конкуренции в момент, когда само ограничение еще не имело места. В то же время, если с фактами ограничения конкуренции антимонопольный орган имеет дело в ходе своей ежедневной практики и обладает большим опытом в оценке их эффектов, последствия антикоррупционных мер ему, вероятно, будет сложнее оценить, не имея соответствующего опыта. Дополнительным фактором, усложняющим применение полноценного анализа выгод и издержек, является теневой характер коррупционной деятельности - а, значит, необходимость опираться, по сути, исключительно на экспертные оценки, которые зачастую могут очень сильно различаться за счет методологии и не вполне адекватно отражать реальную картину (однако проверить это чрезвычайно сложно);

в) в конечном счете, есть вероятность, что принятие решения о допустимости практики, в рамках которой возникает противоречие целей борьбы с коррупцией и защиты конкуренции, следует выносить за пределы сферы ответственности антимонопольного органа. Поскольку обе цели имеют политический аспект, и с учетом ограничений в методологии оценки эффектов, о которых сказано выше, возможно, что решение о том, какая из целей – борьбы с коррупцией или защиты конкуренции – является приоритетной в конкретный момент времени в случае возникновения конфликта по инструментам, должно приниматься на более высоком уровне, чем уровень конкретного ведомства – хотя и этот вывод не может рассматриваться как общая рекомендация, поскольку все зависит от качества институциональной среды в целом и эффективности принятия решений на конкретных уровнях государственной иерархии.

Таким образом, вопрос гармонизации требований антикоррупционного и конкурентного законодательства в частности и, антимонопольной и антикоррупционной политики вообще в данной области стоит весьма остро.

В настоящее время в рамках Кодекса добросовестных практик в фармацевтической отрасли (разработан Ассоциацией европейского бизнеса и согласован ФАС России), где признается факт различий в российском и зарубежном антикоррупционном законодательстве, в результате чего возникает необходимость применения к российским компаниям зарубежных норм, выходящих на рамки требования российских законов, а также ратифицированного Россией международного законодательства.

3) Программы ослабления наказания и антикоррупционная политика

Поскольку вопросы выявления сговора играют ключевую роль с точки зрения взаимосвязи борьбы с коррупцией через конкурентную политику, важное значение приобретает вопрос условий и эффектов применения “leniency programs” - так называемых программ ослабления наказания (в русскоязычной литературе приняты также термины «программы смягчения ответственности/наказания», «программы освобождения от ответственности/наказания»). Подобные программы предусматривают возможность смягчения ответственности (вплоть для полного освобождения) для компаний, участвовавших в сговоре, в случае если они совершили добровольное признание, отказались от дальнейших антиконкурентных действий и пошли на сотрудничество с антимонопольным органом в ходе расследования¹. Поскольку программы ослабления наказания на современном этапе являются одним из краеугольных элементов в раскрытии сговоров (см., напр., [6]), их эффективное функционирование является важным фактором борьбы с коррупцией посредством конкурентной политики.

Вместе с тем, взаимодействие конкурентной и антикоррупционной политик может создавать и некоторые противоречия, которые потенциально могут препятствовать применению программы. В частности, если в ходе расследования антимонопольного дела о сговоре на торгах выявляется факт взятки или иной формы коррупции, то признание фирмы, осуществленное в рамках программы ослабления наказания, действующей для антимонопольного законодательства, может «подставить» ее под преследование за коррупционное нарушение.

---

¹ Более подробное описание различных форм и условий программ ослабления наказания см. [5].

Множество исследований, посвященных поиску оптимального дизайна программ ослабления наказания за участие в картеле, показывают, что наибольшая результативность их применения наблюдается в случае, когда первый признавшийся гарантированно получает полное освобождение от наказания [7]; [8]; [9]; [10] и др. Отклонения от данного принципа (в частности, неопределенность с размером получаемого дисконта или неопределенность с возможностью получить освобождение не только от административной, но и от уголовной ответственности) могут критическим образом сказаться на результативности программы. Подобная ситуация наблюдается, в частности, в России в связи с тем, что за назначение уголовных и административных санкций отвечают разные органы. Похожая ситуация может проистекать и из существования вероятности подвергнуться санкциям за нарушение антикоррупционного законодательства в случае признания в антимонопольный орган об участии, например, в сговоре на торгах, если сговор сопровождался действиями коррупционного характера. Фактически, программа ослабления наказания может вообще перестать работать для таких случаев, если компании будут опасаться быть подвергнутыми преследованию за коррупцию в случае признания в сговоре – а учитывая тяжесть санкций за коррупцию данный фактор действительно может сыграть свою роль. В таком случае, расследовать сговоры на торгах может стать значительно сложнее, что неизбежно приведет к падению уровня сдерживания.

Одной из мер в данном случае может стать гарантия освобождения в том числе и от санкций за коррупцию в случае признания в антимонопольный орган – но тогда желательно, чтобы признавшаяся фирма шла на сотрудничество не только с антимонопольным органом в части помощи в расследовании сговора, но и с правоохранительными органами в части расследования коррупционного правонарушения. «Техническое» воплощение такой гарантии – а именно, конкретная юридическая конструкция, которая позволит реализовать подобный механизм освобождения от ответственности за сотрудничество с властями – требует дальнейшего обсуждения.

Однако фактором, который может на практике служить сближению позиций правоприменителей по тому и другому вопросу, может стать распространенность аналогичных схем освобождения за признание и в рамках борьбы с коррупцией. В частности, аналогичные программы ослабления наказания, но в сфере борьбы с коррупцией введены в недавнем времени в Бразилии и Мексике [11]. И обратно:

программы ослабления наказания могут быть усовершенствованы за счет опыта, который имеется в части освобождения от наказания и даже выплаты вознаграждений за признание и информацию. Так, в работе [12], исследовав эффекты от различных схем освобождения от ответственности в рамках различных областей законодательства, авторы приходят к выводу, что только в случае вознаграждения за признание программа такого рода не создает стимулов манипулировать ей для облегчения осуществления нелегальных действий.

Проблема применения программы ослабления наказания подчеркивает важность более общего вопроса о возможных механизмах взаимодействия органов власти, отвечающих за антикоррупционную и конкурентную политику. Так, в случаях, когда сговор на торгах сопровождается коррупционным правонарушением, существует несколько структурных альтернатив организации расследования [1]. В частности, антикоррупционный орган может выделить специалистов для участия в антимонопольном разбирательстве. И наоборот, антимонопольный орган может оказывать содействие антикоррупционному и/или правоохранительным органам в расследовании сговора на торгах. Как отмечается в материалах ОЭСР, возможны и другие схемы взаимодействия: в частности, в некоторых странах сотрудники обоих органов власти получили доступ к материалам друг друга, проходили совместное обучение и проводили совместные проверки. В некоторых случаях сотрудничество приводило к совместному законотворчеству и использованию опыта обоих органов власти для описания нарушений и определения соответствующих санкций.

4) Антикоррупционные требования и содержание антимонопольных норм

Еще один аспект взаимодействия конкурентной и антикоррупционной политики заключается в том, что антимонопольный орган как орган государственной власти также сталкивается с коррупционными рисками. Решения, принимаемые сотрудниками антимонопольных органов, потенциально могут обернуться для компании оборотными штрафами, издержками, связанными с ведением расследования, репутационными потерями и др. В связи с этим, в антимонопольных органах, как и в иных органах власти, вводятся механизмы, снижающие коррупционные риски (коллегиальное принятие решений, механизмы апелляции, сокращение возможностей для дискреционного принятия решений), а также механизмы выявления и урегулирования случаев конфликта интересов.

При этом сам характер деятельности антимонопольных органов отличает их коррупционные риски от рисков многих других регуляторов. Поскольку антимонопольное регулирование универсально по своим методам и применяется для контроля широкого набора рынков и секторов, то риски захвата регулятора (зачастую связанного с коррупцией) для антимонопольных органов отличаются в меньшую сторону по сравнению с рисками регуляторов, которые в своей деятельности взаимодействуют с небольшим и стабильным набором крупных компаний в отрасли. Однако надо отметить, что это различие условно, и зависит от многих факторов, таких как функционал антимонопольного органа (в частности, если в его функции входит и назначение тарифов, ситуация может быть иная), его структура (по отраслям или функциям), особенности правоприменения в конкретной стране (возбуждаются ли дела в основном против одних и тех же крупных компаний или против множества разнообразных компаний) и др.

В результате еще одно противоречие может возникать на этапе проектирования антимонопольных норм. Особенность антимонопольного законодательства заключается в том, что в нем неизбежно большое место занимают оценочные нормы: многообразие экономических практик хозяйствующих субъектов, особенности конкретных рынков и необходимость учитывать в анализе широкий спектр эффектов предопределяют важную роль данных норм и их широкое распространение в антитрасте. Однако такого рода нормы несут в себе и высокие коррупционные риски, поскольку оставляют правоприменителям широкое «пространство для маневра» в принятии решений в пользу тех или иных участников рынка, в то время как последствия таких решений (с учетом оборотного характера штрафов за основные нарушения и возможности уголовного наказания) могут быть весьма существенными.

В то же время, антикоррупционная политика по своей сути требует от законодательных норм прямо противоположного: максимальной конкретности, прозрачных критериев принятия решений и минимизации пространства для дискреционного принятия решений со стороны чиновников. Последовательная реализация данного принципа превратила бы антимонопольное законодательство в набор четких, но грубых критериев с неизбежно высокой вероятностью ошибок I и II рода, что возможно поставило бы под вопрос саму целесообразность существования антимонопольного законодательства.

Последствия этой «дихотомии» проявляются в конкретных формулировках норм антимонопольного законодательства и даже методических документов, которые можно наблюдать на примере российских антимонопольных норм – особенно ярко это проявляется в сравнении с аналогичными зарубежными нормами.

В частности, в соответствии с пунктом 3.7 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утв. приказом ФАС России от 28.04.2010 г. № 220 (далее – Порядок-220), товары не относятся к взаимозаменяемым, если для замены товара другим товаром в процессе потребления требуется более года или в связи с заменой приобретатель товара несет значительные издержки (превышающие, как правило, 10 процентов от цены товара), и если при этом антимонопольный орган не располагает информацией о том, что такая замена имела или имеет место, а также если такая информация не представлена хозяйствующим субъектом. В соответствии с другой нормой – пунктом 4.4 Порядка-220 - если в связи с приобретением товара, поставляемого с каких-либо территорий (от продавцов, расположенных на каких-либо территориях), приобретатель несет значительные издержки, превышающие, как правило, 10 процентов от средневзвешенной цены товара, доступного приобретателю (приобретателям) в пределах предварительно определенных географических границ рассматриваемого товарного рынка, то такие территории (продавцы) должны относиться к другим товарным рынкам. «Критическое значение» в 10% здесь – не только способ облегчить применение нормы и обеспечить единообразие правоприменения, но и способ снизить коррупционные риски за счет минимизации возможностей дискреционного поведения правоприменителя. Необходимо отметить, что аналогичные критические значения в настоящий момент отсутствуют как в тексте американского Руководства по горизонтальным слияниям [4] (содержащего описание методов анализа товарного рынка), так и в европейском методическом документе, относящемся к определению границ рынка [13].

Особенностью ситуации в России является то, что в структуре Федеральной антимонопольной службы имеются 84 территориальных управления и центральный аппарат, причем территориальные органы достаточно самостоятельны в вынесении решений. В связи с этим, задачи борьбы с коррупцией для ФАС России во многом подкрепляются задачами обеспечения единообразия правоприменения среди множества центров принятия решений. В результате такие меры, как точная формулировка «критических значений» в рамках оценочных норм, попытки максимально четко

прописывать процедуры и последовательность их применения (хотя данные процедуры можно оценивать и как излишне четкие, и как по-прежнему недостаточно четкие), приоритизация методов (например, в Порядке-220 – приоритет «теста гипотетического монополиста» над иными методами определения границ рынка) служат достижению обеих целей. В то же время, вопрос о том, как данные меры влияют на качество вынесенных антимонопольных решений, по-прежнему остается открытым.

1.2. Границы взаимодополняемости антикоррупционной и антимонопольной политик

Как было показано выше, из-за частичного совпадения целей рождается идея о некоторой взаимозаменяемости конкурентной и антикоррупционной политики, поскольку средствами одной (и ее последовательной реализацией) можно добиться реализации задач другой. Однако где пролегает граница такой взаимозаменяемости – вопрос, требующий дополнительного обсуждения. Один из вариантов ответа предложен в работе [14]:

Таблица 1 – Подходы к решению проблемы коррупции на различных уровнях

Неправомерное влияние/ коррупция	Законодательные подходы	
	Предотвращение	Обнаружение
Решения, затрагивающие частный сектор	Законодательство о конкуренции, правила осуществления закупок, криминализация коррупции, ответственность работодателя	Аудиты, программы ослабления наказания, защита осведомителей, правила конфиденциальности, законодательство о доступе к информации
Неправомерное влияние на политическом уровне	Публичный реестр лобби, требования беспристрастности	СМИ, контролеры, осведомители, аудиторы

Источник: [14]

Как видим, автор видит роль конкурентной политики в первую очередь в сфере регуляторных решений, касающихся частного бизнеса (а не уровня политических решений), и на этапе предотвращения коррупционного нарушения. Вместе с тем, и на этапе, когда необходимо раскрытие информации об уже совершенном коррупционном нарушении, есть место такому инструменту конкурентной политики, как программам ослабления наказания за участие в картеле.

Вместе с тем, необходимо отметить, что приведенное деление – скорее условно и отражает лишь прямые, наиболее очевидные эффекты. Так, более развитая конкуренция на рынках может оказывать эффект и на конкуренцию на политических рынках, а антимонопольное расследование сговора на торгах, антиконкурентных действий органов власти (хотя такой вид нарушения расследуется антимонопольными органами не всех стран, для России этот случай актуален), дискриминационных условий и др. может привести к выявлению признаков коррупционных нарушений – даже если программа ослабления наказания не была использована.

Дискуссия о степени взаимозаменяемости антикоррупционной и конкурентной политик оказалась особенно актуальна в середине 1970-х годов, когда много внимания привлекли раскрытые случаи взяточничества со стороны крупных американских корпораций [15]. Активно обсуждался вопрос необходимости создания нового антикоррупционного законодательства – являлась ли его разработка обязательной, либо же с коррупцией можно было эффективно бороться с помощью уже существовавшего законодательства, в том числе антимонопольного, поскольку уплата взятки за рубежом могла быть интерпретирована и как нарушение антимонопольного законодательства. По итогам обсуждений было принято решение, что специализированное антикоррупционное законодательство является более эффективным способом решения задачи, поскольку в случае выявления признаков нарушения у властей не возникла бы необходимость доказывать ограничение конкуренции в терминах антитраста.

В работе [16] рассматривается вопрос взаимозаменяемости конкурентной и антикоррупционной политики в контексте законодательства о закупках в Китае. Базу исследования составили данные о сфере закупок в Китае, на основе которых автор демонстрирует, как конкурентные механизмы закупок не позволили решить задачу борьбы с коррупцией. Более того, их введение привело к еще большему распространению коррупции. Данные о государственных закупках в Китае показывают, что конкуренция на

торгах была в значительной степени ограничена. Участники закупки с обеих сторон (чиновники и компании) используют разнообразные стратегии для того, чтобы обойти конкурентные механизмы. Когда государство отказывается от чрезмерного вмешательства в рынок, оно не справляется с задачей построения устойчивого регуляторного режима в поддержку конкуренции в закупках. Участники закупки получают возможности ограничить конкуренцию. На основе этого, в исследовании заключается, что одним лишь развитием конкуренции невозможно решить проблему коррупции. Либерализация рынка необязательно ведет к сокращению коррупции, и в случае Китая коррупция возросла, несмотря на сокращение государственного вмешательства и рост конкуренции. В переходный период институты и механизмы, созданные для поддержки конкуренции, могут быть существенно подвержены манипулированию. Таким образом, на определенном этапе конкуренция может оказаться действенным инструментом только в случае, если ее сопровождает активное государственное регулирование.

Отдельный аспект – связь коррупции и нарушений антимонопольного законодательства с состоянием корпоративной культуры. Взятничество и действия по ограничению конкуренции зачастую осуществляются через схожие инструменты (необходимые, в том числе, для сокрытия этих действий): специальные фонды на нелегальные выплаты; скрытый обмен информацией, в том числе конфиденциального характера; участие посредников. Участие в сговоре дополнительно усугубляет состояние корпоративной культуры, даже если коррупция уже распространена [17].

В результате один из важных и активно обсуждаемых вопросов в связи с взаимосвязью политик борьбы с коррупцией и развития конкуренции заключается в роли комплаенс-программ (корпоративных программ по соблюдению требований законодательства, в данном случае – антикоррупционного и антимонопольного). С одной стороны, данный инструмент (комплаенс-программа) может быть применен для борьбы с рисками нарушения и того, и другого законодательства. При этом, с учетом того, насколько тесно переплетены бывают два данных типа нарушений, может быть целесообразно разрабатывать единую комплаенс-программу для соблюдения норм обеих областей законодательства. Однако здесь может возникнуть несколько сложностей.

Во-первых, как было указано выше, антикоррупционные требования по прозрачности процедур могут вступать в противоречие с целями защиты конкуренции.

Во-вторых, отношение к комплаенс-программам со стороны антикоррупционных и антимонопольных регуляторов существенно различается [18]. Так, и Еврокомиссия, и Министерство юстиции США отказываются признавать комплаенс-программу в качестве смягчающего обстоятельства, а антимонопольные органы Франции и Великобритании могут предоставить до 10% скидки от штрафа за эффективную комплаенс-программу. В это же время во многих из этих юрисдикций компании могут полностью избежать наказания в части антикоррупционного законодательства в случае, если предпринимали адекватные меры для предотвращения нарушения.

В-третьих, попытка учесть требования законодательства различных стран в рамках комплаенс-программы представляет собой нетривиальную задачу. Как показано в работе [19], возникают существенные различия в трактовке терминов и в подходах, что необходимо принимать во внимание при разработке соответствующих программ.

1.3. Факторы взаимосвязи коррупции и конкуренции: накопленные теоретические и эмпирические свидетельства

Конечной целью любой государственной политики является повышение общественного благосостояния. Многообразие аспектов хозяйственной деятельности определяет и многообразие инструментов государственной политики, которые подчас, способствуя достижению одних целей, могут приводить к негативным эффектам в другой сфере. Взаимное влияние различных направлений государственной политики становятся объектом исследования в многочисленных работах отечественных и зарубежных авторов. Например, актуальному для современной России вопросу о взаимосвязи промышленной и конкурентной политики посвящена работа [20]; в работе [21] поднимается вопрос о либерализации торговли как инструменте конкурентной политики. В фокусе анализа текущего исследования – взаимосвязь между коррупцией и конкуренцией и факторах, ее определяющих.

Важность развития конкуренции с точки зрения повышения гибкости экономики, повышения международной конкурентоспособности отечественных товаров, стимулирования инновационного развития подчеркивается многими авторами (см., например, [22]). Другие авторы подчеркивают важность борьбы с коррупцией, ограничивающей модернизацию страны [23]. И ограничение конкуренции, и

распространение коррупционных схем ассоциируется со снижением общественного благосостояния. Однако будут ли, например, инструменты, способствующие развитию конкуренции, приводить к снижению коррупции? Или, решая одну проблему, государство может усугубить другую?

Результаты теоретических исследований взаимосвязи коррупции и конкуренции позволяют заключить, что искомая взаимосвязь неоднозначна как по направлению (интенсивность конкуренции является одним из факторов, определяющих коррупцию, и наоборот, распространенность коррупционных схем оказывает влияние на конкуренцию), так и по «знаку». В работах разных исследователей обосновывается, что связь между коррупцией и конкуренцией может быть как положительной, так и отрицательной, что зависит от множества факторов, включая качество институтов, уровень бюрократических барьеров, повторяемость взаимодействия с чиновниками и пр. Выводы, полученные благодаря теоретическому анализу, нашли подтверждение и развитие в рамках эмпирических исследований, где сам выбор показателей уровня коррупции и конкуренции оказывает воздействие на результат оценивания искомой взаимосвязи. Представленный ниже анализ ставит своей целью обобщить многообразие накопленных в академической литературе (на первый взгляд, противоречащих друг другу) результатов относительно взаимного влияния коррупции и конкуренции.

Понятие коррупции включает многообразие типов коррумпированного поведения, наиболее часто анализируемыми из которых являются взяточничество и сговор между представителями бизнеса и чиновниками. В рамках эмпирических исследований тип коррумпированного поведения неявно задается выбором показателя, отражающего уровень коррупции. В работах, базирующихся на моделях вымогательства, присутствуют доводы в пользу двух диаметральных точек зрения. Одни авторы [24], [25], [26] предсказывают сдерживающее воздействие конкуренции на коррупцию за счет снижения экономической прибыли фирм и уменьшения возможности экономических агентов давать взятки. В работах других исследователей аргументируется, что конкуренция может привести к распространению взяточничества как способа получения преимуществ над конкурентами (см., например, [27], [28], [29], [30]).

В работе [31] рассматривается тип коррупции, основанный на сговоре (collusive), который приводит к переделу ренты от заключенной незаконной сделки и выгоден для обеих сторон. В данном исследовании иллюстрируется, что решающее значение для

определения эффекта, оказываемого коррупцией на конкуренцию, имеет качество институтов. Коррупционная активность может быть сосредоточена на поиске ренты (снижающая эффективность рынка коррупция) или восполнять пробелы существующих неэффективных институтов (снижающая эффективность рыночного взаимодействия коррупция). В рамках эмпирического анализа с использованием данных США по уровню коррупции и конкуренции автором была выявлена следующая закономерность: коррупция и конкуренция положительно связаны при низком качестве институтов и отрицательно – при высоком. Таким образом, коррупционную активность можно рассматривать в качестве механизма, нивелирующего пробелы институциональной среды.

Существует и коррупция на уровне фирмы – взяточничество сотрудников. Согласно результатам исследований, характеристикой рыночных отношений, оказывающей влияние на вероятность подобных коррупционных практик, является повторяемость сделок [32]. Если повторные сделки имеют решающее значение для прибыльности фирмы, то коррупционные барьеры будут препятствовать заключению сделок и уходу клиентов, особенно в случае низких издержек переключения, возможных в условиях конкурентного рынка, - в таком случае конкуренция способствует отказу фирмы осуществлять коррупционный вид деятельности. Разовые сделки такого влияния не оказывают. В этой связи важным аспектом анализа являются торговые практики, разработка которых (в том числе по рекомендации антимонопольного органа) направлена на повышение прозрачности взаимодействия компаний с контрагентами, предотвращение дискриминации и, соответственно, снижение возможностей сотрудников компаний к реализации коррупционных схем. Исследования показывают [33], что с точки зрения воздействия на конкуренцию этот инструмент конкурентной политики не столь однозначен.

Коррупция является одним из основных барьеров входа на рынок. Рост бюрократизации экономики создает барьеры для развития конкуренции и, с другой стороны, повышает значимость механизма установления отношений с чиновником, чье решение позволяет эти барьеры преодолеть [34]. В работе [35] вводится такая характеристика взятки как ее неминуемость. Авторы показывают, что если взятка неотвратима и фирмы, действующие в отрасли, вынуждены осуществлять дачу взятки для того, чтобы остаться в отрасли, то максимизирующий свою ренту чиновник сохраняет на рынке ситуацию олигополии. Если же от выплаты взятки легко уклониться, чиновник

заинтересован в увеличении числа фирм, входящих на рынок. Результаты опроса владельцев фирм текстильной отрасли и сферы потребительской электроники Бразилии, проведенного автором, подтверждают, что размер взятки не играет существенной роли; для показателей производственной деятельности фирмы имеет значение неминуемость взятки.

Роль административных барьеров как фактора, провоцирующего взяточничество в условиях конкурентного рынка, когда у фирмы создаются стимулы получить преимущество за счет обхода установленных правил, подчеркивается также в работе [36]. Однако авторы отмечают, что если такие препятствия являются обременительными, связь между коррупцией и конкуренцией может быть слабой, так как фирмы склонны платить взятки для ухода от выполнения обременительных требований независимо от степени конкурентности рынка. С этой точки зрения масштабы государственного регулирования могут определять силу влияния интенсивности конкуренции на готовность фирм к поиску коррупционного способа снижения издержек. На основе анализа данных по 26 посткоммунистическим экономикам авторы выявили тенденцию к росту числа взяток с усилением конкурентных условий рынка, результаты являются устойчивыми для альтернативных показателей интенсивности конкуренции. Этот результат созвучен с выводами других работ, посвященных анализу коррупции в странах бывшего советского блока. В частности, в исследовании [37] коммунистическая система СССР рассматривается как инструмент ограничения конкуренции в рамках национальной экономики для извлечения максимальной ренты госаппаратом; при этом работы [38], [39] подтверждают, что посткоммунистические экономики создают условия, при которых взяточничество оказывается более эффективным с точки зрения сокращения издержек ведения бизнеса, чем поиск иных альтернатив снижения расходов (инвестиции в более эффективные технологии производства, поиск эффективных форм контракта).

Среди каналов влияния коррупции на конкуренцию также выделяется способность коррупции воздействовать на рыночные барьеры входа и производительность фирм [40]. Развитая коррупция побуждает фирмы к повышению производительности для того, чтобы иметь возможность остаться на рынке после изъятия ренты чиновником. С другой стороны, коррупция может способствовать сохранению позиций на рынке неэффективных, но представляющих для коррупционера интерес фирм, в таком случае коррупция поддерживает низкую производительность фирм на рынке. Какой из данных

эффектов преобладает на рынке, зависит от природы коррупции: коррупция может выступать в качестве механизма, ускоряющего экономические операции, или напротив – препятствующего достижению результата. Исследование [40] показывает, что инвестиционный климат, который включает в себя такие переменные, как эффективность государственных услуг, доступ к финансированию, распространенность коррупции (кумовства), сила прав собственности, а также уровень развития конкуренции, влияет на барьеры входа на рынок и оказывает различное воздействие на разные типы фирм.

Таким образом, эмпирический анализ корреляции коррупции и конкуренции позволяет выделить двустороннюю причинно-следственную связь: неразвитая конкуренция приводит к росту коррупции, высокий уровень коррупции влечет за собой снижение уровня конкуренции. Однако данные утверждения не являются универсальными и зависят от развитости институтов, высоты бюрократических барьеров, специфики рынка, соотношения стимулов чиновника и фирм-участников рынка и других факторов. Результаты имеющихся исследований свидетельствуют о сложности, но необходимости учета взаимосвязи между коррупцией и конкуренцией для координации инструментов государственной экономической политики.

2. Механизмы влияния коррупции и политики противодействия коррупции на конкуренцию на товарных рынках

2.1. Влияние коррупции на конкуренцию на товарных рынках

На самом общем уровне предполагается, что развитая конкуренция способствует снижению уровня коррупции, в то время как высокий уровень коррупции в экономике, в свою очередь, мешает развитию конкуренции, искажая стимулы и результаты функционирования рынков.

Первая зависимость проистекает из достаточно простого вывода, сделанного из модели совершенной конкуренции: если экономическая прибыль в такой ситуации равна нулю, то и средств, из которых можно было бы финансировать коррупционные действия (например, платить взятку), у фирм не возникает. И когда приходится наблюдать в реальности совершенно конкурентные рынки (хотя и то крайне редко), то делается вывод о том, что, чем ближе отрасль к состоянию конкуренции, тем меньше уровень прибыли и тем меньше возможности «оплаты» коррупционных схем. Таким образом, такой подход иллюстрирует взаимосвязь, условно, «платежеспособного спроса» на коррупцию и уровня конкуренции на рынке. Но если воспринимать конкуренцию не как состояние рынка, а как процесс, и при этом начать отступать от чрезвычайно упрощенных предпосылок базовой модели (в частности, перейти к рассмотрению фирм, различающихся по издержкам, а также допустить наличие барьеров и возможности инвестировать в эти барьеры), то возникновение спроса на коррупцию становится возможно объяснить уже на этом уровне абстракции.

Что касается второго эффекта - то он скорее подчеркивает сторону «предложения» коррупционных услуг. В первом приближении влияние коррупции на конкуренцию связывается с возможностью коррумпированных должностных лиц создавать барьеры входа на товарные рынки и неравные условия для их участников, в результате чего интенсивность конкуренции снижается.

При этом представляется целесообразным различать краткосрочный и долгосрочный эффект от конкуренции с точки зрения влияния на коррупцию. Если в долгосрочном периоде более интенсивная конкуренция ведет к более низкому уровню коррупции (в соответствии с логикой, изложенной выше), то в краткосрочном периоде появление новых

рынков и развитие конкуренции на них может потребовать введения новых правил регулирования, что может создавать возможности для коррупции.

Безусловно, было бы ошибочным приравнивать к коррупционным причины любых искажений рынка, возникающих вследствие действий регуляторов и конкретных чиновников. Система стимулов, предопределяющих задачи государственных органов, и без учета коррупционных факторов способна приводить к отклонениям от цели максимизации общественного благосостояния. Кроме того, необходимо принять во внимание и ограниченную рациональность индивидов, принимающих решения. Однако, как мы увидим ниже, как коррупционное поведение может исказить рыночную ситуацию, так и эффекты от ограничения конкуренции могут создавать стимулы для коррупции.

В целом, можно выделить три основных направления влияния коррупции на конкуренцию: создание барьеров входа на рынки, создание дискриминационных условий и сговор на торгах в сфере госзакупок. Необходимо отметить, что границы между данными механизмами зачастую могут быть размыты. Фактически, введение дополнительных барьеров входа в определенных обстоятельствах можно интерпретировать как создание дискриминационных условий в отношении одной категории фирм (новичков) по сравнению с другой категорией (укоренившиеся фирмы). В то же время, действия по координации сговора на торгах в зависимости от конкретных обстоятельств могут содержать признаки и создания барьеров (например, если проводится нечестный предварительный квалификационный отбор участников), и дискриминационных условий (если правила установления победителя «подстроены» под заранее определенные компании). Вместе с тем, сговор на торгах имеет свою достаточно существенную специфику, в том числе с точки зрения методов борьбы с ним, в связи с чем мы будем рассматривать его отдельно.

1) Создание барьеров входа

Как уже отмечалось выше, имеющиеся у коррумпированных чиновников стимулы усложнять регулирующие процедуры, замедлять их исполнение, делать их исход менее предсказуемым, расширять область регулирования с целью увеличить возможности для, например, вымогания взяток усложняют и вход на определенные рынки, а значит, сказываются на барьерах входа. Вместе с тем, в зависимости от того, какое именно определение барьеров входа мы принимаем за основу в анализе, не всякое усложнение

регулирования (даже если мы ограничимся только теми действиями, которые явно имеют коррупционные цели) можно интерпретировать как повышение барьеров входа.

Так, в работе [41] выделяется семь рабочих определений барьеров входа, имеющих в настоящий момент распространение в литературе по экономической теории. Среди них, например, можно отметить определение Бейна [42, стр.3]: преимущество укоренившихся в отрасли фирм над потенциальными новыми участниками, выражающееся в способности первых завязать цену над конкурентным уровнем, не привлекая в отрасль новые фирмы. Несколько другое определение дает Стиглер [43, стр. 67], определяя барьеры входа как издержки, которые вынуждены нести фирмы, пытающиеся войти в отрасль, но которые не несут фирмы, уже укоренившиеся в отрасли. Фишер же [44, стр. 23] предлагает считать барьерами входа все, что мешает входу, когда вход способствует росту общественного благосостояния. Мы видим, что подчеркиваются разные аспекты того, что должно составлять барьер входа: с одной стороны, это могут быть любые издержки, которые необходимо понести для входа на рынок, с другой стороны – только те, которые не пришлось в свое время нести тем фирмам, которые сейчас уже укоренились на рынке. Таким образом, подразумевается некая асимметрия и преимущество на стороне укоренившихся фирм. В случае если мы принимаем за рабочую интерпретацию барьеров входа, данную Стиглером, то тогда не всякое усложнение регулирования в коррупционных целях следует воспринимать как барьер, а лишь то, которое имеет в качестве адресата фирмы, пытающиеся войти на рынок, не распространяясь на уже укоренившиеся фирмы. Примером может быть, например, изменение правил выдачи лицензий при сохранении действия уже выданных.

Если же брать за основу определение, например, Фишера, то тогда - если вход желателен - то любое усложнение бюрократических процедур, которые необходимо пройти фирме для функционирования на рынке, может быть проинтерпретировано как создание барьеров входа, даже если оно распространяется как на новичков, так и на укоренившиеся фирмы.

Представляется, что все же одной из ключевых характеристик барьеров входа является асимметричность положения тех фирм, которые уже действуют на рынке, и тех, которые только планируют вход. Если такого рода барьеры создаются вследствие рентоориентированного поведения чиновников, то возникает своеобразный порочный круг. Распространение коррупции само по себе укрепляет доминирующее положение (или

в более общем случае – рыночную власть) тех фирм, которые уже присутствуют на рынке. Если в результате действий, которые предпринимает чиновник по коррупционным мотивам, вход на рынок становится более дорогостоящим (например, усложняются процедуры получения всевозможных разрешений, лицензий и т.д. или исход этих процедур становится менее предсказуемым), то фактически это означает рост барьеров входа на рынки и снижение конкурентного давления, испытываемого укоренившимися фирмами со стороны потенциальных участников. Рост барьеров входа также фактически означает рост рентабельности для укоренившихся фирм на рынке. В свою очередь, этот рост дает фирмам ресурсы для того, чтобы дополнительно стимулировать коррумпированных чиновников создавать новые барьеры входа. Обе стороны – коррумпированные чиновники и укоренившиеся фирмы – «подпитывают» этот порочный круг, исходя из собственных стимулов. В результате ситуация становится устойчивой, причем источником коррупционного дохода становятся не только объекты того регулирования, которое коррумпированный чиновник модифицирует для вымогания ренты, но и те фирмы, которые напрямую не являются объектами регулирования, но уже действуют на рынке и пытаются упрочить свое положение, поскольку их доходы растут в результате повышения барьеров входа.

2) Создание дискриминационных условий

В предыдущем случае мы рассматривали, как коррупциогенные процедуры могут ставить в невыгодное положение «новичков» и потенциальных участников рынка, по сравнению с укоренившимися фирмами. Однако неодинаковое применение бюрократических процедур может создавать асимметричное положение и среди других категорий фирм, не обязательно новичков и укоренившихся. Среди тех фирм, которые уже действуют на рынке, одни фирмы могут иметь доступ к более благоприятным условиям функционирования, государственной поддержке к различных формах или обладать «иммунитетом» от излишнего «интереса» со стороны государственных органов – фактически, любое такое преимущество ставит фирму в неравное положение по сравнению с другими участниками рынка.

Создание за счет коррупции неравных условий конкуренции получает дополнительное преломление на международных рынках. Действительно, на международном уровне «неравномерность» в режимах борьбы с коррупцией в разных

юрисдикциях может приводить к несправедливым условиям конкурентной борьбы, при которых одни компании, которые, например, базируются в странах со строгим антикоррупционным режимом, и которые вследствие этого предпочитают действовать честно и не давать взяток, ведут конкурентную борьбу исключительно за счет повышения своей эффективности, в то время как другие фирмы, базирующиеся в странах с менее строгим отношением к коррупции, могут пользоваться преимуществами, полученными нечестным путем. Возможно представить себе ситуацию, когда добросовестные фирмы в конечном итоге окажутся вытесненными с мировых рынков. Моделированию ситуации конкуренции фирм за счет двух данных ресурсов (эффективности и коррупционных возможностей) посвящена работа [45], в которой предпринята попытка ответить на вопрос, насколько более эффективной должна быть честная фирма для того, чтобы получить лицензию на природные ресурсы, по сравнению с фирмой, предлагающей взятку.

3) Сговор на торгах в сфере госзакупок

Основная область, в которой взаимосвязь между конкуренцией и коррупцией выходит на первый план, является сфера государственных закупок. Защищая конкуренцию на торгах, антимонопольные органы фактически способствуют снижению коррупции в госзакупках. Как показывает международный опыт антимонопольного правоприменения в сфере торгов, выявленные нарушения антимонопольного законодательства зачастую указывают на факты коррупции, а факты коррупции напрямую влияют на победу той или иной фирмы в конкурентной борьбе за рынок (исходя из распространенной в литературе интерпретации предмета торгов как отдельного товарного рынка). В частности, сговор на торгах может подразумевать активную роль заказчика, который фактически организывает торги таким образом, что создает преимущества отдельным участникам. В таком случае речь идет фактически о соглашении между участником или участниками торгов и заказчиком или организатором, которое приводит к тому, что победу на торгах одерживает предварительно определенный участник. Сговор на торгах в более «классическом» виде происходит без участия заказчика или организатора, когда участники самостоятельно договариваются о поддержании цены или других антиконкурентных действиях. Хотя по «механике» установления антиконкурентных условий данные виды нарушений различаются, на практике они оказываются близко

связаны, в том числе с учетом того, что один тип нарушения может отличаться от другого не столько истинным масштабом вовлеченности государственного заказчика или организатора, сколько возможностью или невозможностью доказать их активное участие в процессе достижения договоренности.

Сговор на торгах может возникнуть как в государственной, так и в частной закупочной сфере, однако именно область государственных закупок обладает некоторыми специфическими чертами, которые обуславливают широкое распространение сговора. Во-первых, зачастую государственный заказ включает крупные проекты с высокой стоимостью, что само по себе создает возможность получения значительного выигрыша вследствие сговора или коррупции. Относительная стабильность и прозрачность правил проведения государственных закупок делают процесс предсказуемым, что также облегчает поддержание сговора. Наконец, тот факт, что объект государственных закупок также зачастую достаточно стабилен, компании, участвующие в таких закупках, «встречаются» снова и снова. Данный фактор также служит облегчению поддержания сговора, а совокупность перечисленных соображений объясняет, почему сговор на торгах при размещении госзаказа представляет собой такую серьезную опасность.

Выводы теоретических моделей о проявлениях коррупции на торгах и взаимосвязи с конкуренцией не всегда однозначны. Так, в работе [46] предпринята попытка моделирования влияния коррупции при закупках, когда основными параметрами принятия решения являются цена контракта и качество. За взятку закупщик может засчитать низкое качество как высокое и дать фирме неправомерно заполучить контракт. В модели изучается влияние данного фактора на число потенциальных участников закупки и на конкуренцию между закупщиками. Определяя равновесный уровень коррупции в модели, авторы демонстрируют, что вопреки традиционному мнению, уровень коррупции может расти с ростом конкуренции.

Авторы исследования [47] исследуют организацию закупки агентом, который готов манипулировать оценкой предложений в обмен на взятку. В отсутствие коррупции и при полной информации контракт достается наиболее эффективной фирме. Однако если учитывать коррупцию, то, вообще говоря, она превращается в еще одну форму конкуренции, и эффективная фирма с такой же вероятностью может получить контракт, дав взятку, как и неэффективная фирма. Вместе с тем, если организатор коррумпирован и

может в существенной степени повлиять на исход закупки, а неэффективная фирма может предлагать множество разных сочетаний цены контракта и размера взятки, то взяточничество повышает издержки эффективной фирмы, желающей заполучить контракт, в результате чего с положительной вероятностью она может не выиграть. Дополнительно исследуя вопрос о влиянии коррупции на аллокативную эффективность, авторы приходят к выводу, что если агент (организатор) обладает ограниченными возможностями манипулирования исходами закупки, то коррупция не нарушает аллокативной эффективности, лишь заставляя эффективную фирму конкурировать более агрессивно. В этом случае коррупция даже выгодна покупателю. Если же агент обладает высокими возможностями манипуляции, то коррупция ведет к неэффективному распределению ресурсов, а также смягчает ценовую конкуренцию, что повышает цену контракта и не выгодно покупателю. При этом не только неэффективная фирма выигрывает от коррупции: эффективная фирма может воспользоваться преимуществами ослабившейся ценовой конкуренции. Коррупция, таким образом, становится средством облегчения поддержания сговора.

В модели [48] коррумпированные агенты вымогают деньги с компаний. Коррупционные платежи оказываются встроены в структуру издержек. При этом обращается особое внимание на то, что для возникновения коррупции не нужно, чтобы изначально на рынке существовала рента или несовершенная конкуренция: источник коррупционных платежей в виде дополнительной прибыли может появиться вследствие того, что коррумпированный агент будет стимулировать выход с рынка. Таким образом, коррупция влияет на количество фирм в равновесии со свободным входом. При этом рост интенсивности конкуренции может не снизить уровень коррупции. Предложенная модель показывает, что рациональному коррумпированному агенту может быть выгодно отказаться от непосредственного источника предложения взяток, заставив фирму выйти с рынка (аналогично тому, как требования профсоюзов о росте зарплат могут привести к закрытию некоторых предприятий и сокращению рабочих мест, при этом оставаясь рациональными). Однако оценка влияния коррупции на общественное благосостояние затруднена тем, что вызванный коррупцией выход фирм с рынка необязательно сокращает общественное благосостояние.

В работе [49] автор показывает, что в случае наличия коррупции при проведении закупок более интенсивная конкуренция может привести к снижению цены, но не к

повышению качества – и в целом в модели ни один механизм не может привести к повышению качества, если его уровень не контрактуются. В работе также проведено эмпирическое исследование, которое показывает, что повышение количества участников закупки повышает ее эффективность, однако убывающими темпами и, начиная с определенной точки, вообще начинает приводить к снижению эффективности.

В исследовании [50] авторы сравнивают коррупциогенность процедур аукциона и переговоров при закупке, осуществляемой через агента (организатора). Организатор имеет доступ к информации о предпочтениях покупателя и может вступить в сговор с одним из поставщиков. По итогам моделирования авторы приходят к контринтуитивному выводу, что для широкого спектра значений параметров сравнительно непрозрачная процедура переговоров приводит к более высокому уровню потребительского излишка чем сравнительно более прозрачная процедура аукциона.

В работе [51] исследуется вопрос оптимального дизайна механизма закупок в условиях коррупции. Коррупция в работе проявляется в том, что исполнитель контракта уже после его заключения может дать взятку контролирующему субъекту, чтобы тот неправомерно засчитал выполнение требований по качеству. В работе предлагается вариант инкорпорирования в качестве дополнительного ограничения при решении задачи оптимального контроля и описывается оптимальный контракт. Во всех случаях – случае фиксированной взятки, взятки, зависящей от масштаба отклонения засчитанного проверяющим качества от истинного качества, а также неопределенности относительно размера взятки – оптимальный контракт предполагает заниженные требования по качеству по сравнению с теми, которые имели бы место без учета коррупции (поскольку за более высокие требования к качеству необходимо предлагать более высокую цену, а это делает еще более выгодным низкоэффективным фирмам прибегнуть к взяточничеству ради получения контракта).

В то же время, большое количество работ не приходят к контринтуитивным результатам относительно взаимосвязи коррупции и конкуренции, а скорее углубляют общепринятое понимание механизмов их взаимодействия и помогают формулировать практические рекомендации.

Так, в работе [52] рассматривается случай ценового аукциона с множеством объектов закупки, организатор которого имеет (легально) возможность разрешить корректировку всех предложений до официального начала аукциона. Организатор может быть

коррупцирован, т.е. готов продать свое решение в обмен на взятку. Модель показывает, что интересы коррупцированного организатора в таком случае тесно совпадают с интересами вступивших в сговор участников аукциона. С одной стороны, сговор придает ценность возможности организатора принять решение о корректировке. С другой стороны, злоупотребление правом принять такое решение создает механизм для поддержания сговора. Кроме того, исследование показало, что сговор более вероятен там, где размер фирмы мал по сравнению с объемом рынка.

В работе [53] предполагается, что чиновник (закупщик) может предоставить возможность изменить заявку в обмен на взятку. Поскольку фирмы ожидают, что им придется платить взятку, это повышает цену контракта на размер этой взятки. Однако как показывает исследование, подобная коррупцированная система облегчает сговор на торгах, в результате чего цена контракта оказывается еще более завышенной.

Российские исследователи [54] сосредотачивают внимание на устойчивых отношениях поставщиков и покупателей в ходе закупок – т.е. на повторяющихся закупках у одного поставщика, причем исследуются закупки простого гомогенного товара. Предполагается, что снижение цены на товар в ходе повторяющихся закупок свидетельствует о снижении транзакционных издержек вследствие добросовестного поведения обеих сторон, в то время как их повышение с течением времени, напротив, может быть проинтерпретировано как косвенное свидетельство коррупционных отношений между ними. Анализируя базы данных о закупках бензина АИ-92 в России в 2011 г., авторы приходят к выводу, что разные процедуры проведения закупки влияют на распространенность коррупции (оценивается разница между результатами однократных и повторных закупок). Менее прозрачные процедуры (закупка у единственного поставщика, запрос котировок) упрощают коррупцию и сговор, и цены в повторных закупках были достаточно высокими при таких процедурах. Напротив, цены в повторяющихся закупках оказывались стабильно ниже чем в однократных в случае, если закупки проводились через такую сравнительно прозрачную процедуру, как электронный аукцион.

Одна из более новых работ, посвященных вопросам коррупции на аукционах, - исследование [55]. В работе предполагается эндогенность и поведения поставщика с точки зрения готовности дать взятку, и покупателя, выбирающего собственный «режим» антикоррупционного контроля организатора аукциона. В модели готовому заплатить взятку поставщику предоставляется возможность подать две заявки, а организатор

аукциона озвучит только ту, что выиграла. Взятка для организатора рассчитывается как доля от разницы между двумя заявками. В равновесии компания либо не дает взятку (если ее издержки превышают определенную величину), либо подает две заявки одновременно, а разница между ними сокращается по мере роста той доли, которую составляет взятка. От коррупции выигрывают и такая компания, и организатор, но страдают все остальные потенциальные поставщики. С двумя схожими потенциальными поставщиками исследуется, как организатор аукциона оптимизирует размер взятки и как покупатель выбирает «режим» борьбы с коррупцией. Если организатор назначает более высокую долю взятки, менее выгодную для компании, то более строгие антикоррупционные правила снижают вероятность коррупции. Покупатель, принимающий крайне строгие антикоррупционные меры, может вообще исключить коррупцию и обеспечить максимум общественного благосостояния, в то время как если покупатель преследует цель максимизации собственной прибыли, то ему выгодно смириться с некоторым ненулевым уровнем коррупции.

Опираясь на «традиционное» понимание взаимосвязи коррупции и конкуренции, [56] разрабатывают ряд индикаторов, с помощью которых можно измерить коррупцию на аукционах, в том числе несколько индикаторов, основанных на взаимосвязи коррупции и конкуренции. Значение первого такого индикатора зависит от того, предусматривает ли контракт исполнение значительного объема работ в нереалистично короткие сроки. Второй индикатор учитывает, были ли некоторые из поданных заявок отсеяны на начальном этапе. Оба индикатора сами по себе не могут свидетельствовать о коррупции, но в совокупности с иными факторами и иными индикаторами могут говорить о соответствующих признаках.

2.2. Влияние политики противодействия коррупции на конкуренцию

Как показано в предыдущем разделе, методы проведения политики противодействия коррупции могут в отдельных случаях вступать в противоречие с методами обеспечения конкуренции. Так, при проектировании процедур закупок целям борьбы с коррупцией лучше бы соответствовала практика не редких крупных закупок, а более мелких, но частых – однако в последнем случае повышаются риски сговора. Существенны и различия в восприятии прозрачности процедур. Цель предотвращения коррупции требует повышения прозрачности закупок: повышения доступности информации о проводящихся закупках, о правилах их проведения, о критериях принятия решения и т.д. Однако в отдельных случаях высокая прозрачность может не соответствовать целям обеспечения наиболее интенсивной конкуренции на торгах или во всяком случае предотвращения сговора. Требования к прозрачности могут приводить к распространению информации, которая в иных условиях охранялась бы как коммерческая тайна, позволяя фирмам выстраивать собственные стратегии поведения на торгах с оглядкой на эту информацию о конкурентах, что облегчает сговор. Другой эффект от прозрачности процедур – повышение их предсказуемости, что также может привести к облегчению поддержания сговора. Таким образом, становится необходимо обеспечить баланс между двумя целями, и настройка в данном случае может быть очень тонкой. В частности, процедуры торгов, с одной стороны, не должны позволять участникам получать излишнюю информацию о действиях других игроков, но с другой стороны все же должны позволять проводить проверки действий заказчика и организатора торгов на основании объективной информации.

В том, что касается процедур, может быть полезно различать виды коррупции по форме, в которой проявляются ее результаты. Так, можно выделить коррупцию, при которой создается впечатление, что конкурентность процедуры соблюдается, и ту, при которой конкурентность процедуры в явном виде нарушается [57]. К первому типу относятся действия, которые в конечном итоге приводят к установке определенных стандартов, определенных требований в рамках предварительной квалификации участников, ограничению круга компаний, которым рассылается приглашение для участия в тендере, смещенности оценок в процедуре отбора и тайным соглашениям о будущих изменениях контракта. Коррупция второго вида подразумевает, что изобретается повод, по которому представляется оправданным отказаться от конкурентных процедур в конкретном случае или категории случаев: такого рода действия могут носить форму двусторонних переговоров, закупок у единственного поставщика и т.д.

При этом потенциальная роль коррумпированного закупщика в координации сговора на торгах может иметь несколько аспектов. Он может координировать обмен информацией между участниками сговора; он может также обеспечивать наказание для тех участников, кто отклонился от стратегии сговора. Наконец, коррумпированный закупщик может распределять контракты согласно предварительно оговоренным правилам, в то время как на поверхности все конкурентные процедуры будут выглядеть соблюденными. В работе [58] причины и механизмы такого поведения рассмотрены более подробно, однако общая идея сохраняется: компании заинтересованы в снижении интенсивности конкуренции между собой с целью повышения своей прибыли, а коррумпированный агент заказчика заинтересован в максимизации той суммы, из которой компании могут платить ему взятку: в результате такого совпадения стимулов агент заказчика может осуществлять координацию, которая облегчает поддержание сговора на торгах.

При этом некоторые сектора больше подвержены коррупции в ходе проведения закупок, чем другие. Это связано с характеристиками соответствующих рынков и товаров. К таким секторам можно отнести инфраструктуру, коммунальные услуги, строительство. Контракты в таких секторах, как правило, достаточно крупные и сложные; множество деталей таких контрактов либо носят характер информации ограниченного доступа, либо слишком сложны для того, чтобы «аутсайдер» смог их оценить; при этом каждый проект уникален, а условиями тендера можно относительно легко манипулировать.

В строительном секторе Wells [59] объясняет возникающие коррупционные риски тем, что механизмы контроля на каждом из этапов реализации строительного проекта (от планирования до непосредственной реализации) являются независимыми. При этом имплицитно предполагается, что к моменту начала каждого следующего этапа предыдущий этап уже полностью завершен и о его результатах имеется соответствующая информация, в то время как на практике зачастую такого не происходит. Таким образом, коррупционные риски фактически возникают из-за несовпадения того объема информации, который должен быть доступен на этапе планирования и принятия решений и тем объемом информации, который в действительности доступен на данном этапе. Применимость стандартных процедур закупок на каждом из этапов, особенно на самых ранних из них, таким образом можно поставить под сомнение. На этапе планирования лица, ответственные за принятие решений, могут не обладать всей полнотой информации о финансовой части, будущем спросе на услуги и недвижимость, а также возможных технических препятствиях, и зачастую им приходится приспосабливаться или отклоняться

от ранее принятых решений. В случае же если такого рода отклонения от ранее принятых программ и планов считаются нормой вследствие «прагматических» причин, то растут и возможности для коррупции. Необходимость принимать во внимание дополнительные соображения и факты или проводить повторные переговоры становится распространенной практикой, в результате чего не вызывает вопросов с антикоррупционной точки зрения.

Согласно [60] эти характеристики контрактов создают условия для возникновения тенденции всех игроков на этапе планирования крупного строительного проекта искусственно завышать объемы проекта и его стоимость, одновременно манипулируя оценками спроса с целью защиты своих предложений.

С другой стороны, как показывает Brockman [61], формальное соблюдение конкурентности процедуры – например, при реализации аукциона с заявками, подаваемыми в запечатанных конвертах – принуждают потенциальных строителей предлагать нереалистично низкие цены.

Коррупция в данном контексте не должна рассматриваться или расследоваться как отдельное правонарушение, но должна оцениваться в более контексте сбоев в системе управления и исследоваться как часть более широкой схемы с участием различных игроков.

В целом приведенные выше примеры иллюстрируют проблему «провалов» антимонопольного регулирования, которые могут компенсироваться через коррупционные нарушения. Как уже отмечалось, простое допущение коррупции в сфере госзакупок автоматически не означает, что в тендерах будут побеждать исключительно неэффективные фирмы: если конкуренция переходит в нелегальную плоскость, то теми же методами могут победить и эффективные фирмы. Более того, возможно представить себе ситуацию, когда антимонопольные требования в сфере закупок устроены таким образом (например, выполнение всех бюрократических требований связано с такими высокими издержками), что компании – даже эффективной - легче прибегнуть к коррупции, чем пытаться победить честно. Такой эффект может быть последствием низкого качества институционального проектирования, недостаточного адвокатирирования, недостаточного обучения участников закупки. Этот эффект также может быть временным, длящемся до тех пор, пока агенты не обучатся действовать по новым правилам организации закупок. Долгосрочный эффект от существования коррупции в таком контексте по-прежнему будет отрицательным, но в краткосрочном периоде результатом может быть снижение транзакционных издержек в системе и повышение эффективности закупок. В частности, в работе [62] подобным образом трактуется наблюдаемая картина с

связи с российской реформой законодательства о государственных закупках. Таким образом, слишком успешная борьба с коррупцией при определенных условиях может снизить эффективность закупок в принципе и дестимулировать фирмы принимать в них участие, поскольку соответствующие транзакционные издержки для них окажутся слишком велики, а «обходной» механизм в виде коррупции также окажется связан с запретительно высокими издержками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антикоррупционная политика и политика защиты конкуренции по определенным направлениям усиливают друг друга: борьба со сговором при закупках позволяет снижать коррупцию, а борьба с коррупционным поведением в долгосрочном периоде способствует снижению барьеров входа, что, в свою очередь, повышает интенсивность конкуренции. Однако есть и области, где антикоррупционная и антимонопольная политика начинают вступать в противоречие. Так, повышенные требования к прозрачности могут спровоцировать сговор, а угроза применения санкций за коррупцию может снизить привлекательность признаний в рамках программ ослабления наказания за участие в картеле. Кроме того, антикоррупционные требования могут влиять на содержание норм антимонопольного законодательства, делая их более жесткими и повышая вероятность ошибок правоприменения. Существующие на данный момент эмпирические исследования корреляции коррупции и конкуренции позволяют выделить двустороннюю причинно-следственную связь: неразвитая конкуренция приводит к росту коррупции, высокий уровень коррупции влечет за собой снижение уровня конкуренции. Однако данные закономерности не являются универсальными и могут нарушаться или иметь специфическое выражение в конкретных случаях.

Учитывая, что антимонопольное и антикоррупционное правоприменение могут в определенных границах дополнять или замещать друг друга, важную роль играет тесное сотрудничество антимонопольных и антикоррупционных органов, как в части обмена информацией о выявленных признаках нарушения, так и в части совместных расследований и выбора наиболее эффективных инструментов борьбы с нарушениями. Безусловно, большое значение имеет и собственная антикоррупционная политика антимонопольного органа в условиях оценочного характера многих норм законодательства, высоких штрафов за нарушения и крупных компаний в качестве ответчиков и заявителей. Вместе с тем, антикоррупционные требования не должны приводить к высокой вероятности появления ошибок I и II рода в правоприменении, в связи с чем требования полностью однозначной трактовки норм и отсутствия дискреции у правоприменителя могут быть применены в антимонопольном законодательстве только в узких границах.

Теоретические основания политики противодействия коррупции предлагают в качестве инструментов, способствующих снижению уровня коррупции следующие

меры: приватизацию наряду с либерализацией; изменение размера штата регулирующего органа; децентрализацию регулятора; автономность регулятора, подразумевающую дистанцию регулирующего органа и политических групп интересов; изменение срока назначения на государственные должности и введение выборной системы регулятора. Перечисленные меры могут в той или иной мере способствовать снижению стимулов регулятора к участию в коррупционных сделках. Однако ни один из инструментов не обладает свойством универсальности, так как его эффективность зависит от многих факторов, включая способность групп интересов к самоорганизации, распределение информации о структуре издержек фирмы (в целях извлечения ренты) между регуляторами; интенсивность конкуренции между фирмами на рынке; субъективную и объективную оценку риска разоблачения коррупционного поведения и др. Выбор инструментов политики противодействия коррупции должен основываться на комплексном анализе состояния институциональной среды, уровня социального доверия, эффективности законодательной и правоприменительной деятельности.

Среди ключевых проблем определения направления и характера влияния антикоррупционной и антимонопольной политик: отсутствие универсального индикатора коррупционной активности как в страновом масштабе, так и на международном уровне; многофакторность анализа корреляции между коррупцией и конкуренцией; одновременное взаимовлияние коррупционных процессов и методов ведения конкуренции. Данные особенности анализа соотношения показателей коррупции и конкуренции приводят к неоднозначным результатам как в теоретических исследованиях, так и в ходе эмпирической проверки гипотез. В качестве рекомендуемого решения описанной проблемы предлагается одновременное использование в целях анализа прямых и смежных индикаторов коррупции и конкуренции. Помимо этого, необходимым является «дробление» коррупции на составные компоненты, что позволит снизить риск получения обобщенных, но недостоверных оценок, принимаемых в качестве основы для выбора инструментов антикоррупционной и антимонопольной политик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. OECD. [2014]/ Fighting Corruption and Promoting Competition. Executive Summary. Global Forum on Competition, 27-28 Feb. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DAF/COMP/GF\(2014\)12/FINAL&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DAF/COMP/GF(2014)12/FINAL&doclanguage=en)
2. OECD. [2010]. Roundtable on Collusion and Corruption in Public Procurement. Global Forum on Competition, 15 Oct. URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/cartels/46235884.pdf>
3. Kloosterhuis E., Mulder M. [2015] Competition Law and Environmental Protection: The Dutch Agreement on Coal-Fired Power Plants // Journal of Competition Law and Economics, vol. 11 (4). pp. 855-880
4. U.S. DoJ, FTC. [2010]. Horizontal Merger Guidelines. Issued: 19 Aug. URL: <https://www.ftc.gov/sites/default/files/attachments/merger-review/100819hmg.pdf>
5. Павлова Н., Шаститко А. [2015]. Программа ослабления наказания за участие в картеле: проблемное поле, структурные альтернативы и эффекты. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
6. Hammond S. [2004]. Cornerstones of an Effective Leniency Program. Speech at ICN Workshop on Leniency Programs, Sydney, Australia. 22 Nov. URL: <https://www.justice.gov/atr/speech/cornerstones-effective-leniency-program>
7. Motta M., Polo M. [2003]. Leniency Programs and Cartel Prosecution // International Journal of Industrial Organization. vol. 21(3). pp. 347-379
8. Harrington J. [2008]. Optimal Corporate Leniency Programs // The Journal of Industrial Economics. vol. 56 (2). pp. 215-246
9. Motchenkova E., van der Laan R. [2011]. Strictness of leniency programs and asymmetric punishment effect // International Review of Economics. vol. 58 (4). pp. 401-431
10. Ellis C., Wilson W. [2001]. What doesn't Kill us Makes us Stronger: An Analysis of Corporate Leniency Policy, Mimeo, University of Oregon
11. Luz R., Spagnolo G. [2016]. Leniency, Collusion, Corruption, and Whistleblowing. SITE Working Paper Series No 36. 18 Apr. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2773671
12. Buccirossi P., Spagnolo G. [2006]. Leniency Policies and Illegal Trans-Actions // Journal of Public Economics. vol. 90(6-7). pp. 1281—1297
13. EC [1997]. Commission Notice on the definition of relevant market for the purposes of Community competition law. OJ C 372. 9 Dec. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A31997Y1209\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A31997Y1209(01))
14. Søreide T. [2014]. Fighting Corruption and Promoting Competition. Contribution for Global Forum on Competition, 27-28 Feb. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DAF/COMP/GF\(2014\)9&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DAF/COMP/GF(2014)9&docLanguage=En)
15. Goodman J. [2013] The Anti-Corruption and Antitrust Connection // Antitrust Source. vol. 12 (4). pp. 1-10, URL: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/publishing/antitrust_source/apr13_goodman.pdf
16. Zhou Na. [2012]. Why competition cannot effectively reduce corruption: the case of China's public procurement. Doctoral Thesis. City University of Hong Kong. URL: <http://dspace.cityu.edu.hk/handle/2031/6989>

17. Mehta P. [2009]. Corruption in Market Competition: Collusion and Cartels // Global Corruption Report. URL: http://www.cuts-ccier.org/pdf/ArticleCorruption_in_market_competitioncollusion_and_cartels.pdf
18. Thepot F. [2015]. Antitrust v. Anti-Corruption Policy Approaches to Compliance: Why Such a Gap? // Antitrust Chronicle. vol. 12. pp. 1-8. URL: http://www.academia.edu/13702251/Antitrust_V._Anti-Corruption_Policy_Approaches_to_Compliance_Why_Such_a_Gap
19. Соколовская Е., Глубокая Ю. [2016]. Антикоррупционное регулирование и антимонопольный комплаенс: РФ, США и Великобритания // Конкуренция и право. № 2 (март-апрель)
20. Шаститко А.Е. [2014]. Промышленная и конкурентная политика: от теории к практике взаимодействия // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 22. № 2. С. 205-209
21. Голованова С.В. [2014]. Международная торговля и развитие конкуренции на национальных товарных рынках. М.: ТЕИС
22. Шаститко А.Е., Голованова С.В., Крючкова П.В., Курдин А.А., Новиков В.В., Овчинников М.А., Павлова Н.С. [2012]. Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики // Экономическая политика. № 6. С. 5-53
23. Григорьев Л., Овчинников М. [2008]. Коррупция как препятствие модернизации (институциональный подход) // Вопросы экономики. № 2. С. 44-60
24. Bardhan P. [1997]. Corruption and development: A review of issues. // Journal of Economic Literature. vol. 35. pp. 1320–1346
25. Klitgaard R. [1988]. Controlling corruption. Berkeley, CA: University of California Press.
26. Rose-Ackerman S. [1978]. Corruption: A study in political economy. New York, NY: Academic Press.
27. Bliss C., Di Tella R. [1997]. Does Competition Kill Corruption? // Journal of Political Economy. vol. 105. no. 5. pp. 1001-1023
28. Di Tella R., Ades A. [1999]. Rents, Competition, and Corruption. // American Economic Review. vol. 89. no 4. pp. 982-993
29. Laffont J., N'Guessan T. [1999]. Competition and corruption in an agency relationship // Journal of Development Economics. vol. 60. pp. 271–295
30. Shleifer A., Vishny R. [1993]. Corruption // Quarterly Journal of Economics. vol. 108. no 3. pp. 599-617
31. Bologna J. [2016]. Corruption, Product Market Competition, and Institutional Quality: Empirical Evidence from the US States. Available at SSRN: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2662203
32. Becker G., Posner R. [2012]. Government Regulation, Competition, and Corruption. Available at: <http://www.becker-posner-blog.com/2012/10/government-regulation-competition-and-corruption-becker.html>
33. Радченко Т., Шаститко А. [2013]. Регламентация торговой политики частной компании: теория, практика и выводы для антитраста // Экономическая политика. № 5. С. 81-105
34. Левин М.И., Фёдоровых Д.А. [2013]. Моделирование структуры коррупции. Электронный ресурс: <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/wpaper/0-2.pdf>
35. Campos N., Estrin S., Proto E. [2010]. Corruption as a Barrier to Entry: Theory and Evidence. IZA Discussion paper. no. 5243. Available at: <http://ftp.iza.org/dp5243.pdf>
36. Diaby A., Sylwester K. [2015]. Corruption and Market Competition: Evidence from Post-Communist Countries. // World Development. vol. 66. pp. 487–499

37. Boettke P. J. [2001]. Calculation and coordination: Essays on socialism and transitional political economy. London: Routledge.
38. Duvanova D. [2014]. Economic Regulations, Red Tape, and Bureaucratic Corruption in PostCommunist Economies // World Development. vol. 59. pp. 298–312
39. Miller W. L. [2006]. Corruption and Corruptibility. // World Development. vol. 34. no. 2. pp. 371–380
40. Hallward-Driemeier M. [2009]. Who Survives? The Impact of Corruption, Competition and Property Rights across Firms. The World Bank Policy Research Working Paper no. 5084
41. McAfee P., Mialon H., Williams M. [2004]. What Is a Barrier to Entry? // The American Economic Review. vol. 94 (2). pp. 461-465
42. Bain J. [1956]. Barriers to new competition. Cambridge, MA: Harvard University Press
43. Stigler G. [1968]. The organization of industry. Chicago, IL: University of Chicago Press
44. Fisher F. [1979]. Diagnosing Monopoly // Quarterly Review of Economics and Business, vol. 19 (2). pp. 7-33
45. Bjorvatn K., Søreide T. [2014]. Corruption and competition for natural resources // International Tax and Public Finance. vol. 21 (6). pp. 997-1011
46. Celentani M., Ganuza J.-J. [2002]. Corruption and competition in procurement // European Economic Review. vol. 46(7). pp. 1273-1303
47. Burguet R., Che Y.-K. [2004]. Competitive procurement with corruption // RAND Journal of Economics. vol. 35 (1). pp. 50-68
48. Bliss, C. and R. Di Tella. [1997]. Does Competition Kill Corruption? // Journal of Political Economy, vol. 105(5). pp. 1
49. 001-1023
50. Wihardja M. [2010]. Corruption In Public Procurement Auctions: Positive Equilibrium Analysis, Incentive Mechanism Design, And Empirical Study // Journal of Economic Development, vol. 35(1). pp. 35-57
51. Wambach A., Gretschno V. [2013]. Auctions vs. Negotiations: The Case of Favoritism. // Annual Conference (Duesseldorf): Competition Policy and Regulation in a Global Economic Order. URL: http://www.cesifo-group.de/portal/page/portal/DocBase_Content/WP/WP-CESifo_Working_Papers/wp-cesifo-2012/wp-cesifo-2012-12/cesifo1_wp4045.pdf
52. Burguet R. [2015]. Procurement Design with Corruption. Working Papers 798, Barcelona Graduate School of Economics
53. Lambert-Mogiliansky A., Sonin K. [2006]. Collusive Market Sharing and Corruption in Procurement // Journal of Economics & Management Strategy. vol. 15 (4), pp. 883-908
54. Compte O., Lambert-Mogiliansky A., Verdier T. [2005]. Corruption and Competition in Procurement Auctions // The RAND Journal of Economics. vol. 36 (1). pp. 1-15
55. Yakovlev A., Vyglovsky O., Demidova O., Bashlyk A. [2015]. Incentives for Repeated Contracts in Public Sector: Empirical Study of Gasoline Procurement in Russia. HSE Working Papers WP BRP 24/PA/2015. National Research University Higher School of Economics
56. Huang H., Li Zh. [2015]. Procurement auctions with ex-ante endogenous bribery // Economic Modelling. vol. 47 (C). pp. 111-117
57. Balsevich A., Podkolzina E. [2014]. Indicators Of Corruption In Public Procurement: The Example Of Russian Regions. HSE Working papers WP BRP 76/EC/2014. National Research University Higher School of Economics

58. Søreide T. [2014]. Fighting Corruption and Promoting Competition. Contribution for Global Forum on Competition, 27-28 Feb. URL:
[http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DAF/COMP/GF\(2014\)9&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DAF/COMP/GF(2014)9&docLanguage=En)
59. Lambert-Mogiliansky A. [2011]. Corruption and Collusion in Procurement - Strategic Complements / International Handbook on the Economics of Corruption, Ed. S. Rose-Ackerman and T. Soreide
60. Wells J. [2014]. Corruption and Collusion in Construction: A View from the Industry / Corruption, Grabbing and Development: Real World Challenges, Ed. T. Soreide and A. Williams. Cheltenham, UK, and Northampton, MA: Edward Elgar
61. Flyvbjerg B., Bruzelius N., Rothengatter W. [2003]. Megaprojects and risk: an anatomy of ambition. Cambridge University Press
62. Brockmann C. [2011]. Collusion and corruption in the construction sector / Modern Construction Economics: Theory and Application. Ed. G. D. Valence. Oxford: Spon Press
- Ivanov A. [2013]. Corruption in Public Procurement: efficient and quasi-efficient. OBEGEF Working Papers from OBEGEF - Observatório de Economia e Gestão de Fraude, OBEGEF Working Papers on Fraud and Corruption. URL:
<http://www.fep.up.pt/repec/por/obegef/files/wp026.pdf>